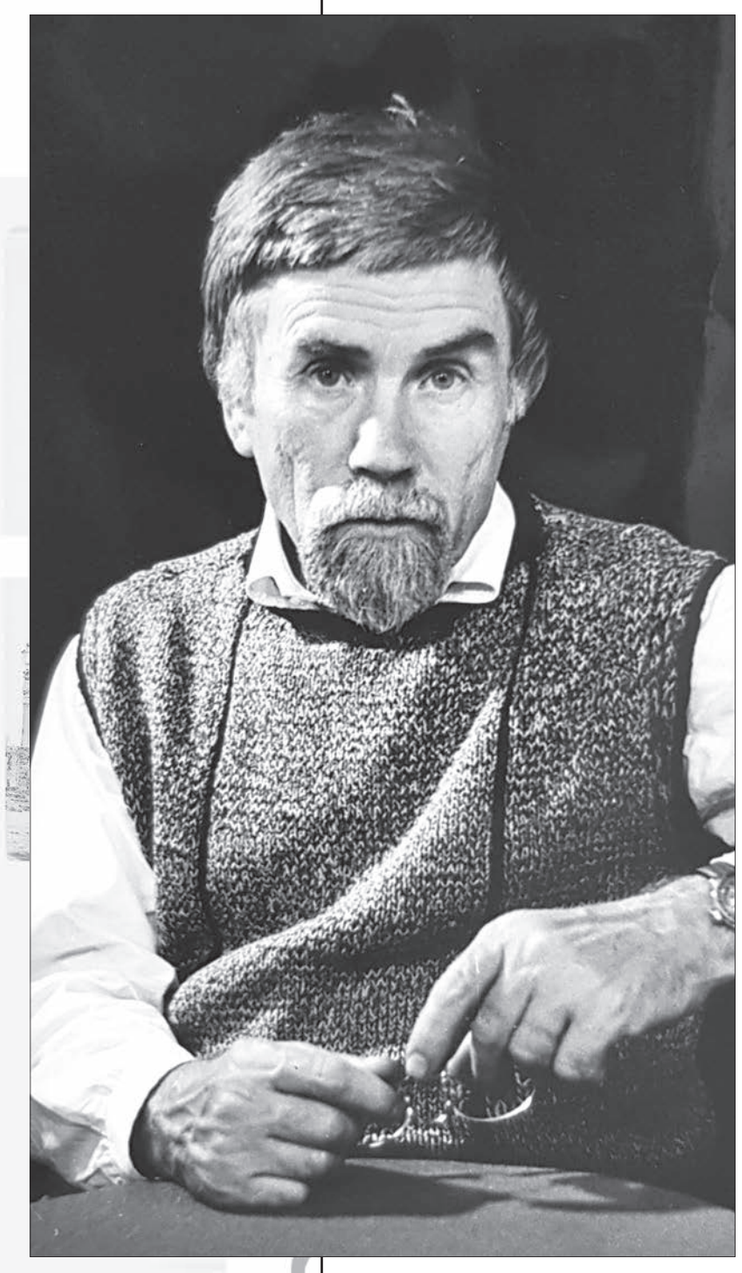
ЖИВЕМ И НЕ ТЕРЯЕМ СЕБЯ!



Приморская лира

Валентину Курбатову - 80

29 сентября у Валентина Яковлевича Курбатова - юбилейный, 80-й, день рождения. Кажется, к какому-то прошлому (70-летнему?) юбилею, кажется, в "Литературной газете" Виктор Лихоносов писал о нём: "Валентин Курбатов влюблен в красоту русского слова, в эстетику лёгкого, изящного стиля. Он любуется стилем, подчёркивая необходимость говорить, писать легко и "красиво". Многие в наше время забыли об эстетике, а Курбатов счастлив беречь её раз и навсегда. Живёт Валентин Яковлевич в Пскове, часто навещает Пушкина в Михайловском, его "милых собеседниц" в Тригорском и, читая курбатовские строки, я опять слышу его вкрадчивый голос: "Жизнь, господа, это красота, литература - это красота, радость земная - в ощущении вечной красоты вокруг"...

Виктор Иванович сам виртуозно владеет словом и тонко его чувствует, пустого не скажет. Но в мире, увы, много еще чего есть кроме красоты. И писатель Курбатов от этого мира за красотой не хоронится. В одном из интервью он признаётся: "Читаю вот в соискателях "Ясной Поляны" Владимира Бутромеева и боюсь согласиться, когда он пишет о "спокойном, разумном осознанном страхе смерти и о том, что эти мысли единственное, что имеет смысл". А от человека-то переходит вон куда: "Особенно сильно это чувство и понимание смерти сегодня, когда очевидно умирание русского народа. И если уж о чем писать сейчас, то конечно только о смерти русского народа. Всё остальное или ложь и обман, или до глупости маловажно, что не стоит и чернил"... Ну, это он прямо, а другие вроде без философии - о быте, да о жизни, а приглядишься - туда же поворачивают. И только и разницы, что одним эта смерть в злую радость (они хоть и тут живут, а думой-то давно по чужим краям), а другим в печаль. Но опять же гляжу на нынешнее неустройство, на скрытое или явное национальное противостояние (одна Украина чего стоит), а вижу, как мы, набегавшись за "цивилизованным платьем", за секонд-хендовскими поношенными идеями, опять же м-е-е-едленно возвращаемся домой, к еще, хоть и попорченным, но, слава Богу, живым опорам, одна из которых родная наша, не изменяющая нам, по-русски терпеливо ожидающая нас великая наша литература. Как там проницательный пруссак про нас говорил, что нас мало убить, нас еще повалить надо".

Критик, литературовед, прозаик, член многочисленных жюри (в т.ч. литературной премии "Ясная Поляна"), член Общественной палаты России и Президентского Совета по культуре, член редколлегий многих-разных газет-журналов (см. в Интернете и выходных данных изданий), лауреат завидных литературных премий и званий, орденоносец и прочая-прочая - Валентин Курбатов никогда не бывал в нашем крае. Но от Пскова до Владивостока придётся поискать, чье знание современной приморской литературы и чьё влияние на неё сравнится со знанием и влиянием Валентина Яковлевича. Много лет назад член общественного совета и активный автор выходящего в приморском Арсеньеве ежемесячника "Литературный меридиан" Валентин Курбатов писал редактору Владимиру Костылеву: "Может, так, не ведая друг друга, а только слыша, мы и перебредём безумие века, тонко рассчитавшее, что заткнут горло литературе и только этих русских и видели. А мы вот возьмём и не заткнёмся, и назло им не уйдём в немоту интернета, где вроде кричи, чего хочешь, да от тебя ни следа, хоть считай свои "посещения" тысячами. Иллюзия и сон. А бумага и бедная - всё документ сопротивления, всё свидетельство: мы жили и мы не теряли себя". Предельно и запредельно занятый литературными-общественными-государственными делами, не уклонился Валентин Яковлевич и от сотрудничества с дальневосточным журналом "Сихотэ-Алинь", став членом его общественного совета и автором публикаций, каждую из которых следует безоговорочно отнести к выдающимся. А едва появилось новое литературное издание дальневосточников - интернетное "Бюро Постышева", Валентин Яковлевич, не оглядываясь на возраст и непреодолимую занятость, без промедления вошёл в редколлегию.

И пусть многие местные кудесники пера, в том числе самые гениальные, кроме самих себя никого не считающие писателями, Валентина Яковлевича не знают. Это и к ним обращены его слова: "Не нравится вам современное искусство - посмотрите в зеркало: не вы ли дали повод искусству сделаться столь невзрачным? А не нравится что-то в вашем лице, когда смотрите утром в зеркало, - вспомните, какую книжку вчера прочитали: не она ли исказила ваш лик?"

В Приморье есть люди, с которыми Валентин Курбатов давно и крепко связан. Вскоре после II-го фестиваля "Литература Тихоокеанской России" он пишет во Владивосток:

"Прочитал вот в старых новостях (хм... "старых" "новостях"), что "во Владивосток приехали известные писатели", и только вздохнул. Теперь уже не долетишь, даже если позовут. Только позавидуешь друзьям - Жене Водолазкину, Захару Прилепину, Паше Басинскому, Свете Кековой, которые ходили между холодными бронзовыми Солженицыным, Чеховым, Мандельштамом и слушали теплых и живых Юру Кабанкова, Ивана Шепету, Лору Белоиван, Владимира Михайловича Тыцких (капитан второго ранга - тут уж мне, старшему матросу, только по стойке "смирно!"). И сам бы попритворялся "гостем", хотя с "Рубежа" (даже и не помню, когда мы сошлись с Александром Колесовым - не с первых ли московских "нон-фикшнов" 90-х годов? когда я жадно бросился читать Несмелова и даже сметь что-то печатать там о нём), а уж потом как-то само собой, как родных, читал Славу Протасова и Юру Кабанкова и с благодарной нежностью писал о них.

Странное чувство близости, видно, явилось с ленинского осмеянного простодушного, но со школы памятного "край далёкий, но нашенский", а там по какой-то нашей, Бог знает откуда взявшейся, общей памяти о дальневосточной ветви русской эмиграции ("Отступать дальше некуда - дальше Японское море - здесь кончается наша Россия и мы"). И как, почему эта печаль ухода сошлась в нашем сердце с песней "другого лагеря" "По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед... и на Тихом океане свой закончила поход"? Словно сердце было и с победителями, и с теми, кто уходил...

И даже китайская нота у Кабанкова ли, у Протасова вдруг показалась своей, словно и наша душа успела потомиться в Харбине (не зря именно "Рубеж" подхватил эстафету именно этого харбинского альманаха), благодаря им, уже прижилась (во всяком случае, в моем сердце) к чужому звуку и миропониманию - при нашей-то "всемирной отзывчивости".

И я как будто какую-то тайную границу перешагнул, принимая в сердце обе выстраданные ветви русской литературы. Наверно, потому, что Владивосток, как Севастополь, словно уже и не город, а страница русской литературы, а матушка-литература всегда полнее и живее реальной жизни. А в России так и просто единственная наша, подлинная наша, жизнь".

Вот так: Владивосток - страница русской литературы, утверждает человек, знающий отечественную литературу, как, может быть, никто другой сегодня не знает. Не согласный, выходит, с главным приморским библиотекарем (!), полагающим, что в Приморье литературы нет вообще...

Эльвира Кочеткова выпускает книгу, рассказывающую, в частности, об одном общем для неё и Валентина Курбатова знакомом писателе-дальневосточнике. Скоро получает письмо из Пскова: "Пришла, пришла книжка, Эльвира! И я уж повыхватывал там и там, поглядел... Замечательную работу Вы сделали, благодарную! А то ведь художник-то живет любовью к другим, а сам порой так и уходит, не услышав доброго слова. Зачем ему? Он и так вон талантлив и мил друзьям. Зачем говорить-то? А вот, оказывается, надо, чтобы потом тверже стоять и лучше слышать человеческое сердце. Спасибо. Ваш В.Курбатов".

Не одно уже десятилетие от Калининграда до Владивостока пишется книга о самом Валентине Яковлевиче, академике российской словесности, секретаре и члене правления Союза писателей России и т.д. и т.д. Кому-то выпадет великий благодарный труд собрать под одну обложку эту всероссийскую рукопись, маленькие фрагменты которой мы проведём здесь, попросив у авторов прощения за безымянность.

Виктор Астафьев (слева) и Валентин Курбатов.

Валентин Распутин (слева) и Валентин Курбатов.

Валентин Курбатов (слева) и Владимир Тыцких.

"Книги и многочисленные статьи Валентина Курбатова позволили единомышленникам заметить, что "по глубине мысли, умению чувствовать и понимать писателя вряд ли кто из критиков сегодня может сравняться с Курбатовым". Это не пустые слова. О нем говорят: это критик, который любит своих героев и тексты, которые он пишет. Из-под его пера вышли книги о Викторе Астафьеве, Валентине Распутине, Михаиле Пришвине, иллюстраторе Александре Агине и книжном графике Юрии Селиверстове, пушкинисте Семене Гейченко. Он составитель предисловий к сочинениям Юрия Нагибина, Булата Окуджавы, Владимира Личутина, Константина Воробьева".

"Он из тех литераторов, которых уже пора в "Красную книгу культуры" заносить - как исчезающий вид. Как и его близкие друзья Виктор Астафьев, Валентин Распутин, он пишет не ради наград и званий, а потому что душа болит за то, что происходит".

И пусть простят нас интервьюеры, редакторы, издатели, доносящие до живого читательского слуха и сердца проникновенное курбатовское слово, что не называем их имен-фамилий! Хочется побольше послушать самого Валентина Яковлевича, а что такое одна страница "Утра России" для беседы, которую ведёт писатель в телепередачах, на страницах десятков книг и сотен газет-журналов уже более полувека?

"...уж кто-кто, а русский человек всегда знал, что этика - дочь здорового и разумного хозяйствования, просто дочь жизни. А уж коли жизнь пошатнулась, этики не жди. Спрашивать ты её с жизни можешь, но лучше себя не обманывать.

Первой пошатнулась любовь к Родине. Давно ли вы слышали само это слово из уст, скажем, руководителей государства? Стесняются они его. Нечего, мол, высокие слова тратить, а только высокие-то слова - знак высоты мысли. А как тебя заставили стесняться их, так жди, что и Родина твоя спятится на вторые роли. И эта потеря, может быть, самая невосполнимая. Мы уже никогда не сможем любить свою Родину с естественностью и простотой - так, чтобы написать в песне "Как невесту, Родину мы любим" и радостно показать эту строчку друзьям, как Пушкин когда-то - лицеистам своё святое обращение: "Пока свободою горим, пока сердца для чести живы..." Представьте сегодня поэта, который напишет эти строки живым, искренним нетерпением сердца. А все остальные утраты - уже только производные от этой...

Про Быкова... я думал. По времени нам и Маяковский. Ведь его униженный до малой буквы "гагарин" - это наши "окна РОСТА": злые, блестяще иронические и, к сожалению, правдивые. А только отчего сердце сопротивляется этой правде и иронии? Злое искусство мстительно. Маяковский-то криком кричал и кончил пулей. А тут ведь брезгливое самодовольство, будто не об Отечестве речь, а о какой-нибудь Новой Гвинее. И, кажется, отними у Димы Быкова злую нашу реальность, стань общество здоровым, и он возненавидит его, потому что добро так "скучно"... Кажется, оно "скучно" и нашим политикам. Им вот и "единой", "справедливой", "либерально-демократической" и "коммунистической" Россий мало - они принимают решение считать партией группу, начиная с 500 человек. А чего? Гулять так гулять! Вот уж мир позабавится нашими "тараканьими бегами". Ведь у каждой такой "партии" и "аппаратик" свой появится, свои спичрайтеры и имиджмейкеры, газетки и канальчики. ...центробежность наша сделается необратимой на радость умным грифам мировой идеологии (дяденьке Збигневу Бжезинскому, тётенькам Хиллари Клинтон и Мадлен Олбрайт). Ефрем Сирин в великопостной молитве знал, что писал, когда просил отвести от человека соблазн "любоначалия", понимая, что эта пагуба разрушает человека и целые государства, но матушка-власть и "начальие" всё манят и манят".

Вопрос интервьюера о детях - главном самом, что определяет наше, Отечества нашего, будущее: "...в Сеть выкладывают записи, как ученики избивают учителей или измываются над теми, кто слабее. Ведь нет ни войны гражданской, ни ГУЛАГа, когда свои - на своих же. Нет голодомора, блокады. А есть тихий сытый мир..."

Ответ Курбатова: "Боюсь договориться до парадокса, но в блокаду и голод люди милостивее друг к другу. Сытость, не вооружённая соединяющей идеей, скоро развращает сознание. Только у взрослых этот разврат тоньше и скрытнее, а насилие - умнее и изобретательнее и больше рядится в экономические одежды. А дети злы в открытую, и зло их требует прежде всего физического утоления. Оно им доступнее. Это потом они научатся топить ближнего доносами, кредитами, финансовыми махинациями... в Евангелии, как мы помним, богатый юноша отошёл от Христа с печалью - жалко ему стало богатства. А уж когда оно у нас на знамени государства написано, то жди беды. Чем мы гордились-то от века, что славили как главную свою добродетель, что мир считал в нас таинственно редким и даже загадочным? Душа наша русская смущала мир и искала разгадки. А опять вспомните, когда вы в последний раз это слово из "государевых" уст слышали? Тогда же, когда слова "Родина" и "народ". Странно, наверное, сказать, но и детское насилие это следствие разделения несчётных наших Россий.

Родина и народ на России не делятся, они одно сердце. И сердце это в крепкой духовной идее. Сколько мы от неё ни бегай, а жизнь заставит. Вспомним мы ещё своих великих стариков, которых ещё недавно цитировали, а теперь перестали, чтобы отвечать перед памятью не надо было. Вспомним и Ивана Александровича Ильина, и Михаила Осиповича Меньшикова, и Ивана Лукьяновича Солоневича, и отцов Павла Флоренского и Сергия Булгакова, которые Церковь умели рядом с идеей держать. И, глядишь, вернёмся к развилке, с которой пошли не туда. И с нами вернутся домой и наши дети".

Здесь последняя мысль Валентина Яковлевича - она же и первая: "Вычеркни, как мы сделали, из словаря два вечных слова "Родина" и "народ" - и нет великой страны. Но они ещё живы, ещё теплятся в нашем сердце, и, значит, "точка невозврата" ещё подождёт. И пока мы не потеряли своего языка, "ключ от темницы" ещё в наших руках".

Голос Валентина Курбатова через всю страну слышит родной наш Дальний Восток, который сильнее многих других краёв Отечества страдает от разъединения и нуждается в собирании жизни и души народной в одно - непобедимое - целое. Но даже землякам Валентина Яковлевича мало известно его поэтическое творчество. Поэтому "Утро России" предлагает читателям стихи юбиляра из подборки, несколько лет назад опубликованной в журнале "Сихотэ-Алинь".

Валентин КУРБАТОВ

* * *

Господи, как же мы молоды!
Ты еще пишешь стихи,
Словно и не было холода
Той мировой чепухи,
Что прозывалась историей
И поглотила и нас.
Впрочем, мы с ней и не спорили
Прожили, как напоказ,
Будто не Богу, а дружеству
Нам отвечать впереди...
Что ж, улыбнемся от ужаса,
Милый мой, не береди
Душу стихами о юности
Нежной, как утренний дым...

Нет, не к лицу нам угрюмости -
Нам и уйти молодым.

* * *

Спрячь меня, яблоня, спрячь, моя милая,
Спрячь от себя и от грусти нечаянной!
Мне тяжела эта нота унылая...
Счастья хочу и хочу так отчаянно,
Словно и не было света минувшего,
Лет молодых и любви, и смятения,
Не было дела, как хлеба насущного,
Не было радости и вдохновения...

Но ведь неправда - я знал наслаждение
Силы земной и восторга небесного!
Что же ты, старость,
торопишь падение
В бездну тоски и исхода известного?
Спрячь меня, яблоня, спрячь моя милая,
Спрячь...

* * *

Тишина, тишине, тишины...
Ах, немного бы сердцу покоя,
И такие бы виделись сны -
Незабудки, фиалки, левкои...

А покоя-то в сердце и нет.
Сны прекрасные смотрят другие...
Что ж, тянись, бесконечный рассвет -
Сныть, крапива да лютики злые.

* * *

Поднимаю глаза в одинокой ночи -
Чуть заметно окно проступает...
Рано, Господи, в мире еще ни души,
И опять засыпаю...

Поднимаю глаза через час или два -
Чуть заметно окно проступает...
Ночь недвижна - жива ли? Мертва?
Сердце жалит иголка тупая.

Через час, через день,
через несколько лет -
Чуть заметно окно проступает.
Это вечность стоит.
В мире времени нет...
Боже мой! Наконец-то! Светает!

* * *

Мир еще молод и свеж!
Мир еще нежен и тонок!
Только на нем и одежд
Ласковый воздух пеленок.
Почки так жадно туги!
Птицы орут так счастливо,
Волей Господней руки
Лепится новое диво
Тысяча первой весны
Тысяча первого лета.
Господи, не закоснi,
Не угаси сего света!
Жизнь уже вся прожита,
Сбилась кукушка со счета.
Вон горизонта черта -
А уходить неохота.

* * *

Накрутишься за день и взглянешь в окно,
А там догорает сиятельный вечер...
Механик-Господь крутит то же кино -
Сюжет его прост, ненагляден и вечен.

А ты, милый мой, всё куда-то бежишь,
Всё новости ищешь, летишь без оглядки.
А только и тайны, что стой, где стоишь,
И всё будет ясно, всё будет в порядке.

* * *

Смотри: это яблоня! Это скворец!
А ты их увидел как будто впервые.
Тебе, для тебя и с тобою Творец.
Всё живо вокруг, да вот мы неживые.

* * *

Стоит под звездами старик,
Небесный свод благословляет.
Над ним крест Лебедя летит
И Млечный путь в тумане тает.

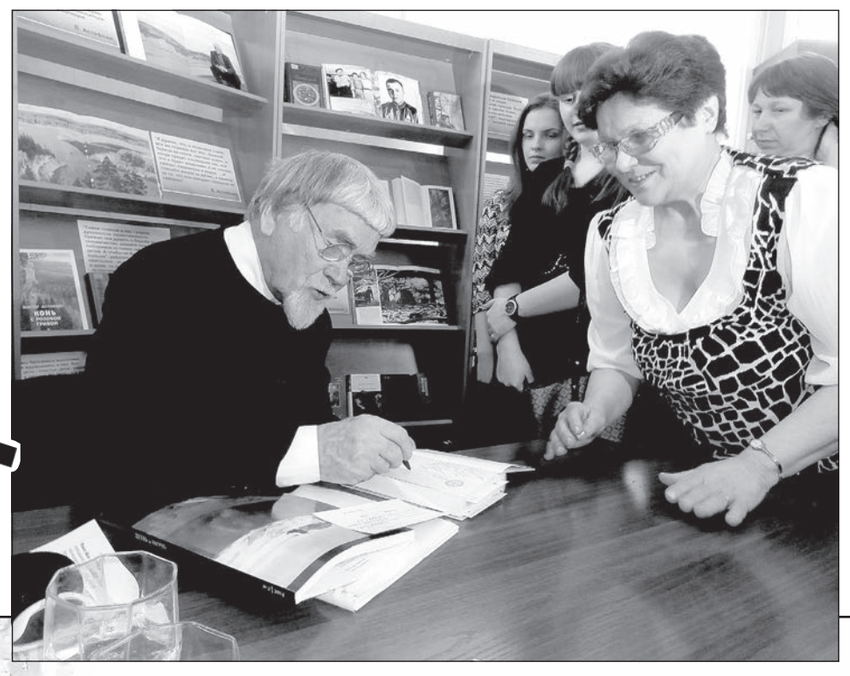
Роса жжет ноги старика.
Комар звенит, а он не слышит.
Душа его теперь легка,
И сам он будто выше, выше.

И нет ему ни дней, ни лет,
Порядок времени забылся.
Стоял старик. Стоял - и нет.
А в избу мальчик воротился.

* * *

Яблонь румяные дети
Весело смотрят в окошко.
Как мы мгновенны на свете!
Жизнь посидим на дорожку.

Пусть этот вечер продлится,
Ласточки пусть посмеются...
Господи, солнце садится!
Юности - нет, не вернуться.



Подготовлено студией "Паруса" Общества изучения Амурского края.